

КОНЕЦ КЛАССИЧЕСКОГО ВЕКА

Сегодня это очевидный факт: XIX век в отечественной истории замечателен расцветом российской культуры. Подобно эпохе классической Греции, русский XIX век можно считать классическим временем великих писателей и просветителей. Но в новейшем времени эпохи сменяются быстрее, чем в античные времена. Здесь уж, как в популярной песне, «мгновения спрессованы в года, мгновения спрессованы в столетия». И эпоха, оставшаяся в истории как *Серебряный век*, была русским эллинизмом, временем предчувствия катастрофы, временем великих достижений в искусстве и науке, связанных с порывом выйти за пределы классических представлений. Ключевой фигурой того времени был Дмитрий Сергеевич Мережковский (1866–1941), говоривший о «расширении художественной впечатлительности», о «мистическом содержании и символах».

Художники стремились отражать реальную и абстрактную действительность в новых ракурсах. Программно это движение очень точно выражено в статье Д.С. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», которую изучают в современной школе, в 11-м классе. Эта работа доступна, её хорошо знают учителя и неплохо — их ученики.

На заре XX века у России уже были своя литературная классика и своя научная школа. Новые имена достойно представили Россию в разных областях знания. Новые титаны были детьми русского Просвещения, наследниками петровского поколения, поколений Пушкина и Гоголя, Тургенева и Некрасова. В последние десятилетия существования Российской империи и в российской науке,

Д.С. Мережковский

и в искусстве появилось немало имён мирового значения. И мы гордимся тем, что на страницах журнала Министерства народного просвещения публиковались труды корифеев мировой науки, труды, ныне признанные классическими. Наш рассказ и будет посвящён героям журнала: его авторам и редакторам. Тем, кто остался в истории российской культуры навсегда.

1

Да, наступал новый век. Перемены ощущались во всём. Вскоре, в костре Первой мировой войны, классический российский XIX век и вовсе догорел.

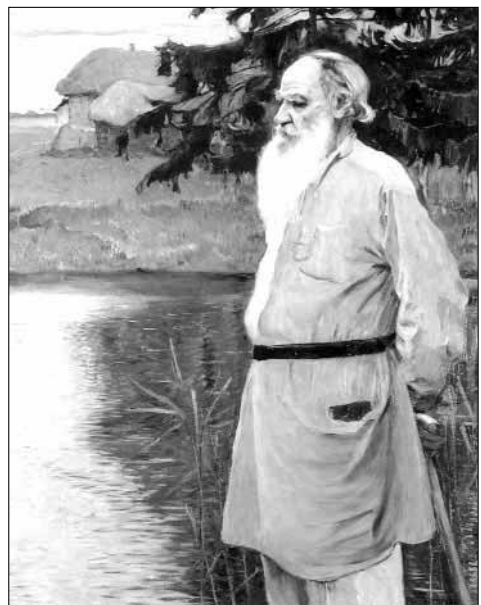
Для начала определим сущность интересующих нас десятилетий в широком социальном контексте. Само слово «просвещение» выходило из моды. Ведь к этому времени Лев Николаевич Толстой успел разочароваться в возможностях школы, в эффективности образования. Всё это уже казалось ему земной тщетой, как и литература, и искусство... Отныне он занимался проблемами бытия, трактуя их во всё

более широком смысле; вступил в битву с церковью и государством за свои, толстовские, идеалы, среди которых просвещению уже не находилось места. Теперь и Льва Николаевича Толстого, и молодёжь больше занимали пути быстрого, революционно быстрого выхода из ситуации, казавшейся критической. Нужно остановить войну, прекратить кровопролитие? Значит, нужно, чтобы каждый солдат бросил своё оружие и вернулся домой, к пашням. Бороться с классовым неравенством? Эффективное и кровавое решение этого вопроса предлагали террористы. Толстовство и терроризм — вот два феномена, по которым весь мир судил о России начала XX века. Эти явления были в моде. Проповедь, призыв к неповиновению или к прямому восстанию — вот что пришло на смену призывам просвещаться. Заметим, что так продолжалось вплоть до счастливо растражированного ленинского «Учиться, учиться и учиться!». Просветители уже не были героями своего времени, но они и при дефиците общественного признания продолжали свою работу. Они просто честно делали своё дело...

Мы уже упомянули термин «Серебряный век» и сопоставили его с античным «эллинизмом». Эти историко-культурные феномены объединяет установка на элитарность, на усиление индивидуалистического начала, что обусловлено такой закономерностью: классические эпохи, предшествовавшие эллинизму и «серебряному веку», связаны с идеей просветительской миссии искусства и науки, приходящих в массы, будь то афинские горожане или некрасовские мужики, которые, как мы искренне надеемся вместе с поэтом, «Белинского и Гоголя с базара понесут».

2

В новый век журнал вошёл с редактором Эрнестом Леопольдовичем Радловым (1854–1928). В Министерстве народного просвещения после покушения на Николая Павловича Боголепова министры менялись часто. Эта чехарда, метко прозванная журналистами ещё и «отстрелом министров», дестабилизировала ситуацию в разных сферах управления. А.И. Георгиевский, прежний редактор журнала, продолжал играть существенную роль в его работе.

Л.Н. Толстой на берегу пруда в Ясной Поляне
Худ. М.В. Нестеров. 1907 г.

Один из последних российских министров народного просвещения, граф И.И. Толстой, так охарактеризовал своё время: «Рядом с занятиями академическими шла параллельно и с самой откровенной энергией работа политическая: формирование боевых и иных дружин и кружков, широкая пропаганда и, наконец, организация «митингов», причём эти последние стали одним из наиболее характерных и видных явлений в жизни высших учебных заведений, открывших свои стены для поддержки общественного движения и даже, как казалось большинству участников, для руководства им».

И.И. Толстой пытался ввести многообразную образовательную систему, отстаивая «эластичность» типов учебных заведений. Но ни он, ни его преемники не смогли достичь стабильности в управлении образованием, пребывая на министерской должности от нескольких месяцев до двух с половиной лет. И в этой тревожной атмосфере уже идиллическими казались воспоминания об администраторах российского образования из совсем недавнего прошлого — таких, как Евгений Михайлович Феокистов (1828–1898). В нашем журнале был опубликован посвящённый Феокистову пространный некролог. Он стал своеобразным эпилогом XIX века — и написал его Л.Н. Майков, бывший в то время редактором журнала.

В.Г. Васильевский

Феокистов — выпускник Московского университета времён Грановского — в 1850-е годы вошёл в литературные круги Москвы и Петербурга. Он сдружился с И.С. Тургеневым, о чём свидетельствует их переписка, сошёлся и с одним из издателей «Современника» Иваном Панаевым. Вскоре Феокистов становится сотрудником некрасовского «Современника», а позже — корреспондентом «Московских ведомостей». В 1862 году Феокистов, к тому времени уже известный публицист, зачислен на службу в Министерство народного просвещения. Его авторитет растёт, Феокистову поручают министерскую инспекцию в Польшу, откуда он пишет отчёт о тамошних учебных заведениях. Воспользовавшись архивами министерства, Феокистов создаёт монографию о Магницком. В 1871 году министр Д.А. Толстой назначает Феокистова редактором журнала. Министр цензил Феокистова, и редакторский пост Евгений Михайлович оставил, когда граф Толстой, ставший министром внутренних дел, призвал любимого сотрудника для работы на ответственном посту начальника Главного управления по делам печати. Смерть Феокистова — одного из титанов «толстовского классицизма» — стала большой утратой для всей российской журналистики.

Имя редактора журнала и учёного Василия Григорьевича Васильевского (1838–1899) осталось в истории Санкт-Петербургского университета. Жизненный путь этого человека типичен для русского просвещения конца XIX века. Он родился в семье сельского священника. В 1860 году окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, а в 70-м становится профессором в своей альма-матер. В 1872 году появилось одно из важнейших исследований Васильевского «Византия и печенеги». Васильевский первым связал историю печенегов с историей крестовых походов. Уже в 1870-е годы Василий Григорьевич Васильевский имел репутацию крупнейшего исследователя Византии (надо ли говорить, насколько важна была эта тема для православной России эпохи Александра III!).

В это время в журнале опубликованы статьи Васильевского «Русско-византийские отрывки» и «Варяго-русская дружина» (1874–1878 гг.). Васильевский по-новому взглянул на историю зарождения российской государственности, изучив её в геополитическом контексте, в связи с историей Византии, печенегов, Хазарского каганата, стран Восточной Европы... Васильевский спорит с норманнской теорией возникновения государственности на Руси, спорит и с имевшими авторитет в преподавательской практике патриотическими теориями Ломоносова и Иловайского. Стараюсь

объективно представлять источники, в 1881 году Васильевский печатает в журнале найденные им «Советы боярина» — памятник литературы XI века, публикует и другие источники по истории Византии и России, с 1894 года редактируя «Византийский временник».

Роспись храма в Сопочанах. XV век

В 1890 года Васильевский удостоивается звания академика и становится редактором журнала. Одновременно он продолжал преподавать в университете, создавая научную школу русских историков-византинистов. Его собственные сочинения «Законодательство иконоборцев» и «Материалы для внутренней истории византийского государства» имели основополагающее значение для этой школы.

Васильевский был любимцем студентов, легенды о таких преподавателях надолго остаются в университетах, их передают из поколения в поколение. Писатель В.В. Вересаев вспоминал, что студентом «университетской наукой занимался без любви, усердно посещал только Васильевского и Прахова». Этому лектору доверяли и до седины сохраняли благодарность за науку, за умение говорить мотивированно, логично и увлечённо.

но. В «Материалах для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук» красноречиво сказано о заслугах Васильевского перед исторической наукой: «Хотя в то время уже довольно много говорили о византийском влиянии на ход истории России, но специальное изучение Византии многих пугало отсутствием предварительных работ, критического издания источников и т.п. Византиеведение было насаждено в Петербургском университете Васильевским и только благодаря его трудам стало укореняться убеждение в значении византиеведения как специальной науки». Важность византийского вопроса в российской государственной идеологии, а также культурном обиходе того времени подтверждается и историей российского зодчества, в котором с середины XIX века всё ярственнее звучат русско-византийские, а затем и неорусские мотивы (византийский мотив неожиданно зазвучал и в парижской архитектуре, в чертах знаменитого храма Сакре-Кер, что на Монмартре). Византийские традиции в нашей культуре становились всё более осязаемыми, они окружали человека, образовывали цивилизационное пространство.

В нашем журнале время работы Васильевского стало временем утверждения традиций непреходящей и своевременной публикации самых авторитетных научных исследований. Да, содержание журнала, соотношение рубрик — тут практически нет изменений, всё, можно сказать, как в предшествовавшем тридцатилетии. Журнал сохранил академически консервативный стиль. По-прежнему главным остаётся «Отдел наук», в котором представлены самые яркие и крупные публикации. Несколько сузился первый отдел: «Высочайшие распоряжения». Теперь журнал публиковал только те царские повеления, которые непосредственно касались жизни Министерства народного просвещения и просветительских учреждений. Подчеркнём: в свои лучшие годы «Журнал Министерства Народного Просвещения» был педагогическим лишь в недолгие годы редакторской работы Ушинского и его последователя Ю.С. Рехневского. В остальное время он оставался по преимуществу историко-филологическим, став признанным лидером среди аналогичных журналов России, ибо в нём публиковались исследования мирового значения. Непременными читателями (а нередко и авторами) журнала были ректоры университетов и директора гимназий.

Сам Васильевский, несмотря на редакторские хлопоты и лекторскую нагрузку, никогда не прекращал исследовательской работы. Он регулярно публиковался в журнале — и, конечно, не «на правах главного редактора», а в силу высокого уровня своих работ. Исследования и научные сообщения Васильевского по истории и этнографии всякий раз открывали читателю журнала новые сведения

о культуре Византии, о древних тюркских культурах на территории Российской империи, о Хазарском каганате. Скажем, исследование В.Г. Васильевского «О построении крепости Саркел» (опубликовано, как мы уже упоминали, в журнале в 1889 году, в двух номерах) до сих пор остаётся одним из полезных источников по хазарской истории. Примечательно, что и в 1889 году эта статья получила немалый резонанс, и в декабрьском номере журнала Васильевский поместил «альтернативное» сообщение Ф.И. Успенского «О построении Саркела». С помощью публикаций в журнале Васильевский безуспешно пытался решить актуальные научные задачи, с этой целью он и напечатал несколько статей на одну тему, приглашая учёных к дискуссии. Так продолжалось и после смерти Васильевского.

Эрнест Леопольдович Радлов прожил в журнале долгую, полную самых разных впечатлений жизнь. Он был помощником Васильевского на протяжении всего срока работы в журнале этого замечательного человека. После смерти Василия Григорьевича была соблюдена преемственность власти и редактором стал Радлов, его соратник, деятельный сотрудник нашего журнала.

Учёный-философ, известный как исследователь Аристотеля (основные работы Радлова — «Этика Аристотеля» (1884 г.) и «Об истолковании Аристотеля» (1891 г.)), он окончил филологический факультет Санкт-Петербургского университета, после чего занялся преподавательской деятельностью. Совсем молодым человеком вошёл в Учёный совет Министерства народного просвещения и стал сотрудником журнала. Позже он успел поучаствовать в налаживании научной жизни в молодой РСФСР, а трудился уже в Советском Союзе. В 1920 году, ещё до образования СССР, его избирают членом-корреспондентом Академии наук по Отделению русского языка и словесности (философия). Умер Э.Л. Радлов в Ленинграде, в 1928 году.

Много лет Эрнест Леопольдович заведовал философским отделением Петербургской публичной библиотеки, в 1917–1924 годах был директором библиотеки. Вместе с Владимиром Соловьёвым, также автором журнала, Радлов редактировал философский отдел в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Эфрона (был автором 110 статей по истории философии). Был он и главным редактором *Философского словаря* (1904). В 1921–1922 годах Радлова избирают председателем философского общества при Петроградском университете. Ещё молодым учёным он перевёл на русский язык *Этику* Аристотеля (1887) — и с того времени радловский перевод выдержал немало переизданий. Под редакцией Радлова вышла на русском языке *Феноменология духа* Гегеля, были опубликованы труды Фихте, Мальбранша и многие другие.

Долгие годы Радлов был одним из ближайших друзей Владимира Сергеевича Соловьёва. Конечно, идеи этого поразительно глубокого, самобытного мыслителя и обаятельного человека оказали влияние на мировоззрение Радлова. В.С. Соловьёв вообще мыслил «заразительно», умел увлекать своим творчеством. Творчеству Соловьёва Эрнест Леопольдович посвятил работы «Учение Соловьёва о свободе воли» (1911 г.), «Владимир Соловьёв. Жизнь и учение» (1913 г.), написанные сразу после смерти великого философа. Можно предположить, что преподавательская практика убедила Радлова в необходимости заняться *историей философии*. Начал он, как это и положено, с истоков, с истории античной философии, а позже занялся и русской. Необходимость в системном изучении истории отечественной философии назрела именно в начале XX века, когда русскими философами было уже немало наработано. Э.Л. Радлов одним из первых систематизировал историю русской философии XIX века, во многом предвосхитив классические ныне капитальные сочинения Н.О. Лосского и В.В. Зеньковского по истории русской философии. Радлов небезосновательно утверждал, что в России философия развивалась прежде всего в университетах. Он несколько недооценивал значение древнерусской философии и утверждал, что подлинную самостоятельность философская мысль в России обрела во второй половине XIX века, в трудах Кудрявцева-Платонова, Каринского и Соловьёва. Радлов отмечал, что русская мысль на всех этапах её развития отличалась интересом к этическим проблемам, к мистицизму. «Очерк истории русской философии» Э.Л. Радлова увидел свет в 1912 году.

Э.Л. Радлов

И.Я. Билибин

Сыновья Э.Л. Радлова — Николай и Сергей — вписали свои имена в историю советской культуры. Николай Эрнестович Радлов (1889–1942), искусствовед и художник-карикатурист, сотрудничал с «Крокодилом», работал в «Окнах ТАСС», иллюстрировал детские журналы «Чиж» и «Ёж». Широко известны и его иллюстрации к произведениям Михаила Зощенко и Ольги Форш. Сергей Эрнестович Радлов (1892–1958) — театральный режиссёр и критик — прославился рядом постановок, оставшихся в истории театра. Он работал в Ленинграде и Москве, в русских театрах Риги и Даугавпилса. В 20-е годы его увлекала тема возрождения балаганного театра, театра масок. Его постановка шекспировского «Короля Лира» в Московском еврейском театре (1935 г.) на долгие годы стала «визитной карточкой» и самого этого театра, и выдающегося актёра С. Михоэлса.

История семьи Радловых, связанная с историей журнала Министерства народного просвещения, отражает историю нашего общества. Радловы — это и история сотрудничества журнала с великолепным русским художником — Иваном Билибиным (в предреволюционное время), а в послереволюционное — с известным художником Александром Родченко. Эти мастера создавали художественный облик журнала.

Вышедшие в 1901–1903 годы иллюстрации Билибина к шести русским народным сказкам прославили молодого художника. И по сей день эти работы (в особенности — незабываемые иллюстрации к «Сказке об Иване-Царевиче, Жар-птице и Сером Волке») остаются самыми яркими образцами билибинского творчества. Потом были иллюстрации к сказкам Пушкина, приобретённые Русским музеем и Третьяковской галереей. Как талантливейший художник книги Билибин проявил себя и в «Журнале Министерства Народного Просвещения», с успехом поработав над художественным обликом просветительского журнала. И.Я. Билибин и сам был не чужд преподавательской практике: в течение десяти лет готовил молодых графиков в Школе Императорского общества поощрения художеств. В нашем журнале И.Я. Билибин был желанным сотрудником. Проявил он себя и как блестящий теа-

Иллюстрации И.Я. Билибина к русским народным сказкам

НАРОДНОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ
семилетний педагогический журнал

Логотипы, выполненные в 1913 году И.Я. Билибиным для журнала «Народное образование», который издавал Священный синод

НАРОДНОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ

тральный художник, ему в высшей степени был близок своеобразный мир русской оперы — исторической и сказочной. Февральскую революцию Билибин встретил воодушевлённо — даже создал эскиз нового герба, где двуглавый орёл был изображён без монархической символики (билибинский орёл чеканился и на российских монетах 90-х годов). Октябрьская революция застала Билибина в Крыму. 21 февраля 1921 года он отплыл из Новороссийска на пароходе и до 1925 года жил в Александрии, изучая культуру Древнего Египта, а затем переехал в Париж.

Мастерская Билибина на парижском бульваре Пастера стала известным уголком русского зарубежья. На чужбине И.Я. Билибин продолжал активно работать в своих излюбленных жанрах, но тоску по Родине было не перебороть. В 1935 году художник принимает советское гражданство (иностранным гражданином Билибин так и не стал); в 1936 году он поселился в Ленинграде. В Советском Союзе Билибин много преподавал, стал доктором искусствоведения и профессором Института живописи, скульптуры и архитектуры Всесоюзной Академии художеств. Миллионы детей входили в мир русской сказки с помощью чудесных билибинских изданий. И в довоенные, и в 50–70-е годы на обложке журнала «Народное образование» часто появлялись анонсы книг с иллюстрациями Билибина, всякий раз радовавшие детей и их родителей.

Умер Иван Яковлевич Билибин в феврале 1942 года, в самые страшные дни ленинградской блокады.

3

Одним из авторов нашего журнала был поэт, педагог и учёный-филолог Иннокентий Фёдорович Анненский (1856–1909). Он открыл русскому читателю мир классической греческой трагедии, ему принадлежат талантливейшие переводы Эсхила, Эврипида, отрывки из которых публиковались в журнале. В сфере филологических интересов Анненского была и молодая русская классика: Гончаров, Достоевский... Как переводчик и исследователь, он увлекался и европейским (прежде всего — французским) символизмом. При жизни Анненский получил признание как педагог, после смерти — как поэт. Он был директором Царскосельской гимназии, умел находить общий язык с учениками.

И.Ф. Анненский родился в Омске, где в то время служил его отец. Вскоре семья переехала в Петербург. В 1879 году, он оканчивает историко-филологический факультет Петербургского университета, отделение сравнительного языкознания. В том же году началась и педагогическая деятельность Анненского. В гимназиях и на Высших женских курсах он преподаёт древние языки, историю античной литературы и теорию словесности. В 1890 году Анненского назначают директором элитарного учебного заведения, соответствовавшего четырём старшим классам гимназии. Располагалось оно в Киеве и называлось *Коллегией Павла Гоголана*. С этого времени карьера Анненского продолжается на уровне директорских должностей. В 1893 году его переводят в Петербург и назначают директором 8-й гимназии, а в 1896 году — директором Царскосельской гимназии. За десять лет пребывания на этом посту он становится любимцем гимназистов. В 1905–1906 годах несколько гимназистов-царскосельцев принимают участие в мятежах. Анненский попытался выгородить своих подопечных, и за это его отстраняют от гимназии. Он был назначен инспектором Петербургского учебного округа. Прошение об отставке было удовлетворено Министерством просвещения за несколько часов до смерти Анненского.

И.Ф. Анненский

За последние тридцать лет его стихи издавались не раз. Но чтобы читатель почувствовал очарование его поэзии, приведём одно из самых характерных стихотворений И.Ф. Анненского — «Невозможно»:

Есть слова — их дыханье, что цвет,
Так же нежно и бело-тревножно,
Но средь них ни печальнее нет,
Ни нежнее тебя, *невозможно*.

Не познав, я в тебе уж любил
Эти в бархат ушедшие звуки:
Мне являлись мерцанья могил
И сквозь сумрак белевшие руки.

Но лишь в белом венце хризантем,
Перед первой угрозой забвенья,
Этих *ве*, этих *эз*, этих *эм*
Различить я сумел дуновенья.

И, запомнив, невестой в саду
Как в апреле тебя разубрали, —
У разбитой калитки я жду,
Позвонить к сторожам не пора ли.

Если слово за словом, что цвет,
Упадает, белея тревожно,
Не печальных меж павшими нет,
Но люблю я одно — *невозможно*.

Поэтическая судьба Иннокентия Фёдоровича Анненского удивительна: его стихи стали манить исследователей своей таинственной силой через полвека после смерти автора. Увлечённый античной поэзией, а также поэзией французских символистов, он сумел использовать все свои культурологические познания в живой и самобытной работе со стихом. Трудно отнести Анненского к какому-либо литературному направлению (хотя он и считается одной из ключевых фигур русского символизма). Его стиль индивидуален, он исчерпывается творчеством самого поэта. Символичная многозначительность в каждой строке Анненского сочетается с бытовой подробностью. На его стихах учились, очень многое из них черпали, но повторить Анненского, как и любого настоящего поэта, не смог никто.

Н.Я. Марр

В «Журнале Министерства Народного Просвещения» было напечатано несколько работ Анненского, посвящённых истории античной литературы и ставших первыми заметными публикациями будущего классика русской литературы.

Знаковой личностью для всех русских гимназистов конца XIX — начала XX веков был Дмитрий Иловайский, учёный-историк, автор нескольких учебников истории. Многократно публиковавшийся в журнале, Иловайский олицетворял гимназическую науку того времени и имел репутацию консервативного монархиста, за что не раз подвергался насмешкам пародистов. Без Иловайского непредставим наш журнал начала XX века.

Ещё одно громкое имя из числа авторов журнала — Николай Яковлевич Марр (1864–1934). Будущий академик, в 1920-е сумевший поставить, увы, «с ног на голову» отечественное языкознание, в 1899 году напечатал в журнале исследование «Возникновение и расцвет древнегрузинской светской литературы». При желании в этой статье уже можно обнаружить истоки будущего «марризма», ярко отражённого в книге 1924 года «Новое учение о языке». Пройдёт время, и Н.Я. Марр будет всерьёз утверждать, что русский язык ближе к грузинскому, чем к украинскому. А в 1899 году лингвист Николай Марр готовился стать профессором Санкт-Петербургского университета. Вместе с М.Н. Покровским и В.Н. Фриче Н.Я. Марр станет творцом новой науки, «железного инвентаря материалистического понимания истории». Разумеется, у этой науки были свои объективные достижения, и Марр, и Покровский были людьми талантливыми, яркими, но всё-таки это был тупиковый путь и для академии, и для идеологии.

Со второй половины 30-х годов, по воле И.В. Сталина, началась ревизия «железного инвентаря». Языковедческие построения Марра рухнули последними — уже после войны, когда в 1950 году в газете «Правда» была опубликована статья Сталина «Относительно марксизма в языкознании». Оппоненты Марра — академики В.В. Виноградов и А.С. Чикобава — стали консультантами Сталина в работе над этой статьёй. Статьи Сталина на всю страну зачитал по радио Левитан. И новые студенты цитировали уже не Марра, а Сталина и Виноградова.

Не забудем, что Н.Я. Марр ещё до революции был учёным с мировым именем: оригинальность его построений привлекала всеобщее внимание. В журнале была опубликована статья, посвящённая культуре Закавказья. В этой области знаний Марр был подлинным корифеем. Рождённый в Кутаиси, сын грузинки и шотландца, он знал около 60 кавказских диалектов. Ему принадлежит заслуга обретения древнего грузинского перевода сочинения одного из отцов церкви, которое не сохранилось в оригинале. Он успешно вёл археологические раскопки в Ани — столице средневековой Армении. Фантастические научные изыскания Марра повлияли и на представителей лингвистической школы структуралистов. Но современные исследователи справедливо называют Николая Марра «шаманом от науки». Неоспоримо, однако, редкостное дарование этого «шамана». Появление новых «шаманов от науки» с их новыми хронологиями мировой истории и парапсихологическими методиками общения с российскими политиками и историками всколыхнуло читающую Россию в 1990-е годы. В какой-то мере и адепты «новой хронологии» являются продолжателями дела Мар-

ра — фантастами от науки, которые нередко используют свои академические регалии для оболванивания публики. Видимо, следует признать, что алхимическая, «шаманская» сторона науки всегда была, есть и будет.

Публиковался в журнале и подлинный корифей науки, историк литературы и представитель школы сравнительного языкознания, великий русский учёный Алексей Александрович Шахматов (1864–1920). Многие в нашей современной славистике пошло именно от этого неутомимого исследователя древнерусской литературы. Великое дело научного изучения русских летописей было начато именно Шахматовым. Умер он, экс-член ЦК партии кадетов, оставив многочисленных учеников, среди которых был и великий Виноградов, и ряд новых исследований, которые публиковались ещё десятилетие.

Но сначала — несколько «анкетных» биографических сведений. Алексей Александрович родился в Нарве (ныне это территория Эстонии). Ещё юношей-гимназистом проявил способности к научной работе. В 17 лет Шахматов уже был автором статьи, получившей признание российских и европейских славистов. «К критике древнерусских текстов» — так назвал её юный автор. В студенческие годы Шахматов создаёт классическое «Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV вв.» (опубликовано в 1886 году). Выпускник Московского университета, он начинает преподавать в его стенах. В 29 лет Шахматов защищает диссертацию, а в 1899 году становится самым молодым академиком в истории русской филологии. С этого времени Шахматов работает в Петербурге. Главные языковедческие его работы — «Исследование в области русской фонетики» (1894 г.), «К истории звуков русского языка» (1898 г.), «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (1915 г.). Знания в области диалектологии и фонетики славянских языков позволили Шахматову убедительно представить особенности живой древнерусской речи. Ученик Ф.Ф. Фортунатова, Шахматов на протяжении многих лет участвовал в подготовке реформы орфографии, осуществлённой в 1917–1918 годах.

А.А. Шахматов руководил изданием многотомной «Энциклопедии славянской филологии», которая стала событием в европейской научной жизни. Он подготовил к изданию и опубликовал многие памятники древнерусской литературы. После смерти академика Я.К. Грота (автора многих статей, публиковавшихся в нашем журнале) Шахматов продолжил работу над академическим Словарём русского языка. Уже после смерти учёного были изданы его новые капитальные труды: «Очерк современного русского литературного языка» (1925 г.) и «Синтаксис русского языка» (1925–1927 гг.). В последней работе Шахматов пытается систематизировать огромное многообразие синтаксических конструкций нашего языка. В основе новаторской теории предложения, выдвинутой Шахматовым, лежит учение о коммуникации. Коммуникация понимается Шахматовым как *особый акт мышления*, который сообщает о состоявшемся сочетании представлений. Словесным выражением единицы мышления является предложение, и именно через предложение осуществляется связь языка и мышления. Именно предложение становится предметом синтаксиса как особой лингвистической дисциплины.

В «Журнале Министерства Народного Просвещения» Шахматов в нескольких номерах 1900 года опубликовал свой выдающийся труд «Общерусские летописные своды XIV и XV веков». Это классическое сочинение и сейчас находится в сфере внимания всех исследователей древнерусской литературы и истории России этого периода. Автор уже год как был академиком Санкт-Петербургской академии наук и тем не менее считал за честь публиковаться в авторитетном журнале, где регулярно печатались крупнейшие русские филологи — такие, как Грот и Веселовский.

Шахматов был не одинок в своём интересе к русским летописям, к наследию древнерусской литературы. И его старшие товарищи, и ровесники, и младшие последователи, вдохновлённые успехом первых работ Шахматова, принялись изучать истоки нашей культуры, литературы, истоки русского языка. Журнал отразил эти направления научной мысли. И немало работ было посвящено русским древностям.

А.А. Шахматов

В последние недели 2002 года педагогическая общественность оживлённо обсуждала очередную реформу — на этот раз реформу школьной отметки, предложенную министром образования В.М. Филипповым. Журналисты (и не только педагогической прессы) рассматривают это как отвлекающий манёвр. Тем не менее творческая группа, призванная решить эту проблему, уже приступила к работе. Сколько баллов будет выставляться в классный журнал — 10 или 100, покажет время.

А пока хотим уведомить наших уважаемых читателей о том, что страсти вокруг школьной отметки разгорались давным-давно, ещё в прошлом веке: радетели перемен предлагали отменить пятибалльную систему как вредную, не отвечающую и т.д. С «реформаторами» спорили. Статья, которую вы прочтёте, содержит аргументы в пользу привычной системы отметок...

Журнал Министерства
Народного Просвещения 1916 г., № 12

Зло ли цифровая балльная система?

Положительные ответы на этот вопрос: «да, она зло!» идут издавна и с разных сторон. Её осудили прежде всего отдельные педагоги, вроде П.Ф. Каптерева и А.П. Флёрова. Первый ещё в 1870-х годах подверг балльную систему уничтожающей критике в своих «Дидактических очерках». Второй раскрыл «вред отметок в учебно-воспитательном деле» в статье с таким заголовком в «Вестнике воспитания» (1897, № 5). После того баллы, как одна из основ школьного образования, подверглись обсуждению и осуждению на

Отметим, например, публиковавшийся в нескольких номерах журнала в 1893 году труд Ив.Н. Жданова «Василий Буслаевич и Волх Всеславьевич», посвящённый актуальным проблемам русской фольклористики, а именно нашим былинам (старинам).

Образы русских богатырей очень важны в воспитании патриотических чувств у молодого поколения. Героический эпос вообще имеет культуротворческое значение для любого народа. На протяжении всего XIX века Россия обрела свой эпос, изучая древнерусский язык, осуществляя филологические экспедиции и издания былин. Илья Муромец, Алёша Попович, Добрыня Никитич, Василий Буслаев, Микула Селянинович, Сухман нашли своих почитателей не только в крестьянской среде, где ещё сохранялись творцы-сказители, но и среди горожан. Подобно тому как античное искусство стало всеобщим культурным достоянием после раскопок в Помпее, привлёкших внимание к греческому классицизму, в России в конце XIX века пробудился живейший интерес к Древней Руси, к её литературе и искусству.

Об этих процессах, революционно повлиявших на русскую культуру, писал наш современник, художник И.С. Глазунов: «В середине века в Италии было заново открыто искусство древней, но вечно юной Эллады, и это послужило толчком к возрождению заветов антики. В России во второй половине XIX века и на рубеже XX художники вновь окрыли искусство Древней Руси. Его магическая сила, его духовность, удивительная гармония цветовых аккордов, глубоко национальное понимание задач искусства оплодотворили блестящую эпоху русского Возрождения конца XIX — начала XX века, оказавшего, как известно, огромное влияние на западноевропейскую культуру». Думаем, это одна из самых верных мыслей художника и учёного.

Велик был вклад «Журнала Министерства Народного Просвещения» в «открытие» Древней Руси. Кроме упомянутых, отметим также публикации статей А. Веселовского (о нём — см. нашу статью в «Народном образовании» № 6, 2002) «О сравнительном изучении русского эпоса» (1868, № 2), «Мелкие заметки о былинах» (1889, № 5), а также статей Соболевского «К истории русских былин» (1884, № 7), Шамбинаго «Старины о Святогоре и поэма о Калевипоэга» (1902, № 1); заслуживает внимания статья Халанского «К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем» (1903, № 10).

Академик Александр Николаевич Веселовский был лицом журнала. Каждая его публикация тут же переводилась на европейские языки. На страницах журнала А.Н. Веселовский сформировал основы своей «исторической поэтики». В 1907 году, после смерти учёного, в 4-м номере журнала вышла статья профессора Р.А. Брауна, посвящённая памяти А.Н. Веселовского.

Величайшие учёные России были авторами журнала. Я.К. Грот и А.Н. Пыпин, А.Н. Веселовский и А.А. Шахматов, Д.И. Менделеев и С.М. Соловьёв... Великий труд этих людей стал фундаментом отечественной науки XX века. Редакторам журнала удавалось высоко «держат планку» научных публикаций.

К началу XX века в России выходило ещё мало научно-популярных журналов. «Журнал Министерства Народного Просвещения» заполнял эту нишу. Почему журнал не пошёл по пути узкой специализации на педагогической проблематике? Ответ на этот вопрос подразумевает знание российских культурных традиций. Образование в нашей стране опиралось на просветительскую идеологию, которая ведёт свою родословную от Ломоносова. А эта идеология связана с культом науки, литературы и искусства. Именно в пространстве высоких материй виделось назначение педагога. А потому узкая специализация журнала противоречила бы российской образовательной стратегии. Просвещение принималось как широкое понятие — и ему соответствовал журнал. Не случайно среди ярчайших его публикаций в 1890–1900-е годы педагогических исследований немного (в отличие от двухлетнего периода работы Ушинского в журнале). Миссия журнала состояла не в публикации педагогических методик, а в проведении широкой просветительской программы, благодаря которой педагоги должны были стать осведомлёнными в вопросах актуальных научных проблем по гуманитарным, естественным и техническим дисциплинам. Нам представляется, что такая установка разумна и перспективна также и для нашего времени. Хотя, увы, сейчас идеи *широкого Просвещения* не популярны, мы декларируем приверженность к специализации образования, а в действительности практикуем образование бессистемное, воспроизводящее социальную отсталость. Между тем в журнале публиковались и исследования по истории и теории педагогики...

С 1910 года, в преддверии 300-летия династии Романовых, отмечавшегося в 1913 году, в журнале проявилась любопытная тенденция. В отделе «высочайших повелений» всё чаще и чаще стали появляться указы о присвоении тем или иным учебным заведениям высочайших имён (имён членов императорской и великокняжеских семей). Таким образом, в учебных заведениях проводилась идеологическая кампания повышения авторитета власти. Можно предположить, что, с одной стороны, власти несколько переборщили с использованием этого нехитрого инструмента. С другой стороны, в обществе рождалась привычка к такому именованию учреждений, укреплённая и позднейшей, советской, практикой. Учреждались и стипендии, поднимавшие имена русских монархов всех эпох и членов императорской и великокняжеских семей. Журнал был наводнён высочайшими именами...

А с 1914 года, когда Россия вступила в Первую мировую войну, наше издание отражало реалии нового, фронтового времени, с его контрастной сменой настроений от патриотического порыва первых сражений до горечи поражений и предчувствий катастрофы. В журнале публиковались циркуляры Министерства народного просвещения об учащих-беженцах, об устройстве эвакуированных преподавателей, о бывших учениках австрийских учебных заведений (русская армия воевала на территории Австро-Венгрии). В 1916 году журнал опубликовал высочайше утверждённое положение Совета министров «О восприятии преподавания на немецком языке». Это положение подвело итог двухлетнему спору о судьбе немецкого языка в воюющей России.

Георгиевский кавалер в деревне.

Рисунок А. Сезько

Зло ли цифровая балльная система?

На московских совещаниях по вопросам средней школы в 1899 г. раздавались речи, что «ныне действующая балловая система лежит тяжёлым гнѣтом на всѣм ходе учебно-воспитательного дела в гимназиях, парализует живое ведение преподавателем урока, систематически приучает учителей оценивать знания учеников шаблонным, ничем, в сущности, не выражающим способом; мало того, ежедневные отметки развращающим образом действуют на молодые умы учащихся, возбуждая в них нездоровые инстинкты то самонадеянности и похвальбы, то зависти и недоброжелательности по отношению к более счастливым товарищам. Мало того, при нервности значительной части учащегося юношества получение неудовлетворительной отметки нередко производит на ученика удручающее впечатление, иных (детей неразумно-строгих родителей) побуждает к подделке отметки и иногда приводит даже и к крайне печальным случаям».

Пурочную систему отметок московские педагоги совсем отметили и если оставили месячные или четвертные и годовичные баллы, то только временно, ввиду современных условий школьной жизни. На съезде педагогов, происходящем в следующем году в Петербурге, о баллах слышались не менее суровые речи. «Балльная система в той крайней форме, в которой она проводится в нашей средней школе, это — один из самых вредных остатков школьной рутин: наши отметки самым развращающим образом действуют на учеников, вносят

Зло ли цифровая балльная система? деморализующее начало в условия семейного воспитания и дурно влияют на самого учителя. Но в общем петербургский съезд педагогов отнёсся к цифровым отметкам значительно мягче: он даже признал пятибалльную систему наиболее удовлетворительной в теоретическом и практическом отношениях. Однако, оставив подобно московскому съезду общие баллы, новый съезд нашёл, что отметка за каждый ответ (а тем более за внимание и прилежание) нежелательна, ибо случайна и вносит недружелюбный элемент в отношения семьи к школе.

Но балл, будучи злом по самому существу своему, всё же является наименьшим злом, почему «необходимо остерегаться от кажущихся, мнимых усовершенствований» в этом отношении.

Министерство народного просвещения в своём циркуляре от 28 сент. 1915 г. за № 45248 осудило авторитетным тоном цифровую балльную систему. «Сухой контроль знаний путём сравнительно редкого спрашивания урока и формальной оценки ответа той или другой цифровой отметкой должен уступить место другой, более справедливой оценке, являющейся результатом всей совокупности впечатлений, получающихся от внимательного и всестороннего изучения индивидуальных особенностей каждого воспитанника». Поставив перед педагогическими советами «вопрос о целесообразности цифровой оценки познаний учащихся», циркуляр предложил «там, где эта система будет признана не достигающей цели, выработать другой способ кон-

В том же 1916 году (не поздно ли?) вышел и министерский циркуляр «О занятиях по допризывной подготовке». До этого допризывная подготовка велась, и велась блестяще, в кадетских корпусах и иных военных учебных заведениях, не подчинявшихся Министерству народного просвещения. Теперь, с 1916 года, требовалось решительное введение квалифицированной военной подготовки в гимназиях и школах.

Раненые офицеры и унтеры, прибывшие с фронта, занялись обучением гимназистов и школьников. 1916 год подарил Российской империи последнюю надежду, и всё-таки фронтовые дела шли не так, как этого хотелось гимназистам и учителям, воспитанным на примерах Суворова и Скобелева,

Сёстры милосердия. 1914 г.

Петра Великого, героев 1812 года. Журнал отразил попытки правительства укрепить тыл, создать в тылу залог военной победы. История показала, что именно обстановка в тылу не позволила армии разбить противника и спасти разваливавшееся государство. Политические игры и финансовые аферы наших промышленников и банкиров были предательством по отношению к собственной армии, к России. Параллельно официальному просвещению, выразителем идей которого был наш журнал, укреплялись позиции революционной пропаганды, в которой важная роль уделялась образованию, школе. Значительная часть общества верила в необходимость революции — и наш журнал оказывался в *безвыходном положении*, «вне игры», ибо ему уже не доверяли.

Детская клиника

Политические игры и финансо-

4

Не хотелось бы упускать из виду ещё несколько журнальных публикаций начала XX века. В 1908 году в двух номерах (февральском и мартовском) опубликована статья Ф.Ф. Вестберга «К анализу восточных источников о Восточной Европе» — интересное исследование по славяноведению. В восьмом номере журнала за 1907 год Радлов, презрев либеральную моду, напечатал обстоятельную статью А.Э. Нольдэ «Обзор научной юридической деятельности К.П. Победоносцева», где в суховатом стиле дал обзор созидательной работы человека, проклинаемого значительной частью тогдашнего общества.

В начале XX века, помимо многих других тенденций, в России ощущалось и желание познать и осмыслить традиции Отечества, наш исконный уклад жизни. Многие считали, что мировой технический прогресс угрожает нашей культурной самобытности, и находили особый смысл в занятиях наполненной величием русской стариной. На «карте» русской культуры не должно было оставаться белых пятен. И журнал публиковал исследования как обобщающие, так и локальные — по истории нашего общества, культуры. Из локальных выделим статью Н.С. Суворова «Псковское церковное землевладение в XVI—XVII вв.».

Ведущей работой, посвящённой многогранной филологической проблеме, заявленной в заглавии, долгое время была статья маститого учёного, одного из министров просвещения Временного правительства С.Ф. Ольденбурга (1863—1934) «Фаблю восточного происхождения», опубликованная в журнале в мае 1907 года. А разве могли исследователи истории Древней Руси от В.И. Вернадского до Б.А. Рыбакова пройти мимо статьи А. Спицына «Расселение древнерусских племён по археологическим данным», опубликованной в самом конце века, в 1899 году, в 324-м номере журнала?

5

По традиции особое место в журнале занимал отдел рецензий. Доктор исторических наук Л.И. Бородин (МГУ) подготовил интересную статью «Рецензия: экспертиза и диалог (на примере рецензий, опубликованных в «Журнале Министерства Народного Просвещения» в конце XIX — начале XX века». Рецензии нашего журнала представили Л.И. Бородину богатый материал для исследования. Учёный изучил его и сделал следующие выводы: «При просмотре рецензий, опубликованных в ЖМНП в течение пятнадцати лет (с 1890 по 1905 г.), были замечены некоторые особенности рецензии как одного из жанров исторической профессиональной периодики того времени. Каковы же общие направления рецензирования? Наиболее часто встречается критика за: отсутствие научной объективности, неполное привлечение литературы, особенно последних лет, по теме работы, неполноту источниковой базы, а также оформление текста (к примеру, трудность прочтения ссылок и примечаний, цитирование без указания источника) и за шероховатости стиля изложения. Главное для рецензента — исторический факт. Сосредоточение критики научной рецензии вокруг фактологической стороны работы соответствовало принятому в то время пониманию цели научного исследования как приращения научного знания. Представление о расширении знаний исторической науки соотносилось с расширением знания фактологии исторического прошлого.»

Главной целью исследования при таком понимании задач истории являлось открытие новых фактов, новых данных об историческом прошлом, открывающих возможность для будущих историков основывать на них свои исследования. Поэтому рецензенты и уделяли внимание главным образом тому эмпирическому материалу, который был изложен в работах, — разбору исторических фактов, а не «общим местам», рассуждениям об истории в целом. В рецензиях мало оценок по поводу концепции историка и много критики за конкретные фактологические ошибки, а также неверное толкование исторического факта, то есть «вписывание» его в известную в то время фактологическую канву. Критика рецензента конкретна, а уличение в ошибке всегда обосновано».

Зло ли цифровая балльная система?

троля, твёрдо памятуя, что школа призвана к тому, чтобы стремиться выпустить из своих стен питомца не с тем или иным количеством разных отметок в аттестате, а с необходимым запасом полезных навыков и знаний, важных для жизни».

Но здесь произошло нечто неожиданное. Неизвестно, как отнеслись к министерскому предложению в других городах России, но в Казани большинство педагогических советов среднее учебных заведений высказались за прежнюю систему оценки знаний учащихся. Иные даже решительно стали на сторону балльной системы, находя, что «недоразумения» вызывает не сама она, а только способ её применения.

В чём же источник такого расхождения во взглядах на сущность и характер цифровой балльной системы? По моему мнению, всё дело в том, что балл, не будучи злом сам по себе, даёт лёгкие поводы к многочисленным злоупотреблениям, а эти последние многими неверно отождествляются с самой сущностью цифровой системы. Злоупотребления же действительно многочисленны и разнообразны и на них не раз указывали в педагогической литературе. Я постараюсь привести их в некоторую систему, иллюстрируя подходящими примерами, которые, однако, несмотря на свою яркость, не являются аргументами против баллов самих по себе.

Случается так, что ответ подгоняют к заранее намеченному баллу, когда и в класс идут, имея в виду «нарезать» или «нарвать» такого-то. Это бывает, когда несчастная жертва учительского гнева чем-нибудь

Эло ли цифровая балльная система?

обидела грозного судью: или не поклонилась ему на улице, или в классе нагрубила, или нарисовала карикатуру на учителя. В таком случае преподаватель явно для всех «придирается» к ученику, спрашивает его из урока дольше обыкновенного и из пройденного задаёт вопросы, всего дальше отстоящие от данного урока. Урок о Пушкине, а учитель спрашивает, кто был автор Слова о полку Игореве... Я убеждён, что подобные примеры крайне редки, даже исключительны, но, как таковые, они всё же имели место в практике средней школы. Сравнительно чаще случаи, когда на справедливость оценки ответов всех учащихся влияет настроение преподавателя: нездоровье, переутомление, бессонная ночь, семейные неприятности, служебные столкновения — всё это отражается на усиленной строгости спрашивания и пониженной оценке ответов. Столь же очевидна для учащихся зависимость снисходительной оценки от радостных переживаний педагога. Хорошие психологи, ученики всё это видят, ставят в причинную связь и мирятся даже с придиричивым отношением учителя ко всему классу: «ничего, брат, не поделаешь: жена у него больна!» — философски замечает один из пострадавших, и прочие замолкают, соглашаясь с ним. Всего неприятнее действует на психику учащихся тот вид злоупотребления баллами, который практикуется при всяком настроении учителя и всегда вызывается пристрастным отношением его к некоторым группам учащихся. У редкого педагога нет учеников

Приводя выводы Л.И. Бородкина, отметим, что подобные наукообразующие функции отдела рецензий практиковались в журнале закономерно. Эта традиция осознанно формировалась такими преданными «жрецами науки», как редактор журнала В.Г. Васильевский. В этом свете особый смысл получает заключение Бородкина, которое можно считать данью уважения прозорливости профессора Васильевского: «На основании анализа привлечённого к данному исследованию материала можно сделать вывод о том, что функцией рецензии было не только экспертное заключение. Через рецензирование происходит профессиональный диалог. Общие направления критики, целью которой является экспертиза, создают «каркас» исторической науки данного периода. Возможность личного диалога показывает, что в рассматриваемый период рецензирование представляло собой подвижную, живую форму коммуникации. При рецензировании новые работы соотносятся с той системой ценностей в научном сообществе, на которую ориентируется каждый, причисляющий себя к нему при оценке новых идей. Рецензии привлекались к историографическому исследованию чаще всего с целью поиска дополнительных сведений о концепции автора или затем, чтобы увидеть его глазами современников, реставрировать «взгляд со стороны» на историка. При рассмотрении рецензии как жанра профессиональной периодики изучаются условия парадигмального существования науки».

Васильевский и его ученики видели в «круговерти» рецензий модель научной жизни, путь развития научного прогресса. Отдел рецензий журнала был для них отточенным инструментом, помогавшим в широко понимаемой ими просветительской работе.

6

Шла Первая мировая... «Журнал Министерства Народного Просвещения», как и само министерство, ждали кардинальные перемены, потрясения. Перемены коснутся и названия, и структуры журнала, но прежде определившаяся суть его останется неизменной. Журнал приходил к учителям, к учёным, к администраторам образования; он добросовестно служил Просвещению нашей страны и был связан с правительственным ведомством, ответственным за просвещение. За двести лет истории журнала перемен и испытаний было немало, да и не быть их не могло. Но все поколения редакторов и авторов журнала помнили о вечном зерне нашего издания: помнили о том, что просвещение было и остаётся культурообразующим и государствообразующим явлением в России. Испытания обогащали просветительство его — и мотивы Шахматова и Анненского, Марра и Радлова нашли продолжение, получили развитие в следующих выпусках журнала.

191

ДЕНЬ ЗАДАТЬ НИКОМУ НЕ ВЫСЛЫЖЕТЕСЬ.

ПИСАТЬ

ГРАСНО, СКОРО и ГРАМОТНО.
КАЛИГРАФИЯ Гривенского 4 етк. Голуб-Готаль, отарадз и пр. 206 рие. и черт. въ тачетъ, уриварятъ, в тегр-корочатъ. Поэзии, самотитъ, для моралъ, очерка въ короткой стрелъ.
 Ганк. лонк. обривъ, на жониторъ. Шана на лонной стрелъ ое-уракомъ. 4 руб.

ПРАВОИСАНЕ Овеек. въ Борковца Поэзии, тучки, для самообразованъ, со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, ва-Аар: Ваглова. «КРУГЪ САМОБРАЗОВАНИИ» — Цетергораль, Б. Рукаева, 7-4.

тудинемъ, пишеть, в слово съ букв. и. Въй франка гетьо уриваются по-лощю 121 уривамъ. И спотоматическ-гетлеча. Самоу, болкн фонъ 285 стр-уобсет. шривъ. Шана 5 руб.

СТЕНОГРАФИЯ Мусюнова (неузнато) пишеть со скоростно рече) полнаго курсъ для самообитвенъ, 285 стривъ) Шана 6 руб. дол

Перес. в унаков, по дѣбелъ, стоив. Православный локк. стоимъ. вперече на перес. не платить.

ЛЪЧЕБНИЦА для СТРАДАЮЩИХЪ
И. И. ГИМИЛЕРЪ **ЗАИКАНИЕМЪ.**
 МОСКВА, Н. Васильевая 14.
 При лѣчебницѣ ПАНСИОНЪ.—Лѣчебница функционируетъ круглый годъ.

УЧЕБНЫЯ ПРОГРАММЫ

Новѣйшая для постановки во все вѣсны, средня, вышняя, мужскія, женскія, мекоры тѣшней, городскія, реальныя и ремесленныя учебныя, для подготовки къ экзаменамъ по все вѣснемъ, на все вѣсны колледжескыя, реальныя, высшяя часть, акторскы, уошъ, выскъ, изахалъ, комичскы, учитъ, мекорныя, тошня, возмашюра и вы. др., высылаетъ неоплатно вышкы: А. И. Загряжскыго, Цетергораль, Ганкель, 14. Шана каждой отдѣльной программы 1 руб., съ пересылкой 1 р. 20 к. Мекоры суммъ прѣмеш-леть наравнъ, на пореску складуть прѣдлагаю до 20 коп. на каждыя рубль. При чиналеть складуть высылать выдѣлеть. (прѣбыва. на сумамъ) очаловое вышкочешкыя вышкочешкы. Поступая къ продажу А. И. НОВИКОВЪ руководителю къ составленю со-чиненій, для самостоятельной подготовки, для самообразованъ, вышкы: Навъ ПИСАТЬ СОЧИНЕНИЯ, Шана 1 руб., съ перес. 1 руб. 40 коп. и книга РУКОВОДСТВО по прило-писанию РУССКАГО ЯЗЫКА и право: соврѣщенъ словъ, употребленю буквъ, раз-ставленю вышкочешкыя и право: соврѣщенъ словъ, употребленю буквъ, раз-ставленю вышкочешкыя въ правоисанъ споръ, для самостоятельной подготовки, для сам-образованъ и всѣмъ желающимъ научиться грамотно ПИСАТЬ (шана содерж. 280 стривъ), Шана 2 руб. 50 коп., съ перес. 3 руб.

За дѣть 20 к. маркы высылается указатель учебныя пособий. Указатель со-держитъ перечисленю существующихъ учебниковъ, рѣшней, комментаръ, подсочини-ковъ, переводовъ, повторительныхъ курсовъ, самоучителей, словарей, программъ и др.-подобныхъ изданій съ указаньемъ цѣны.

Мануйловская реформа орфографии

Глава Временного правительства князь Георгий Евгеньевич Львов в созданном им 1 марта 1917 года Временном правительстве министром просвещения назначил Александра Аполлоновича Мануйлова — своего ровесника (они оба были с памятного 1861 года), выходца из одного профессионального «цеха» (оба — выпускники юридических факультетов). Правда, Мануйлов получил свой диплом в Новороссийском университете в Одессе, а князь Львов — в Московском. Но впоследствии Александр Аполлонович стал не только уважаемым профессором университета Первопрестольной, но и его ректором. Князь же Львов посвятил себя земской, хозяйственной и политической деятельности. Само собой, ректорство в университете — это в определённой степени деятельность политическая, которой Мануйлов не чурался, будучи с 1905 года членом Конституционно-демократической партии (кадетов), и даже едва не попал в состав её ЦК. Вот и стали два 46-летних интеллектуала трудиться в одном кабинете министров.

А.А. Мануйлов

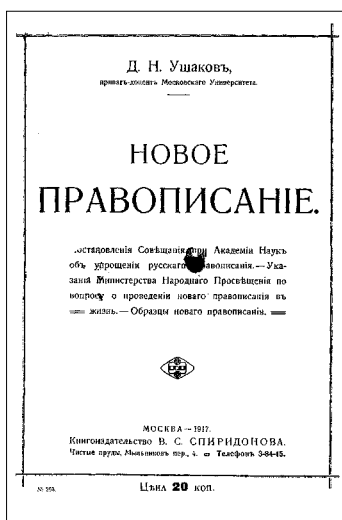
Мануйлов поддержал проект государственного страхования учащихся вузов, который, правда, не был доведён до конца. Циркуляром от 15 апреля он предоставил факультетам вузов право самостоятельно устанавливать способы замещения вакантных должностей. В мае ректорам вузов было предложено уволить с профессорских должностей всех лиц, назначенных после 27 августа 1905 года без представления факультетов и советов. Практика назначения профессоров вместо выборов особенно широко применялась при министре Касо, к которому Мануйлов никаких симпатий не испытывал.

Прогрессивными были циркуляры, отменявшие исключение из гимназий и реальных училищ без права поступления в другие учебные заведения и предоставлявшие женщинам право свободно поступать в вузы.

Вне сомнения, однако, и тогда (и в наше время) реформа орфографии, затеянная по инициативе Академии наук и её Особого совещания под председательством уважаемого академика А.А. Шахматова, оценивалась как несвоевременная и негативная в условиях продолжавшейся Первой мировой войны и революционного движения. Проводником в жизнь этого мероприятия, которое вынашивалось Академией с 1904 года, было избрано Министерство просвещения с согласия министра. В итоге «Постановления совещания по вопросу об упрощении русского правописания, приняты 11 мая 1917 г.» (старая орфография частично сохранена), были как циркуляр министерства опубликованы в «Журнале Министерства Народного Просвещения» с припиской, что Особое совещание «признало вполне своевременным

Зло ли цифровая балльная система? любимых, которыми он не только в душе любит, но и отличает перед целым классом как лучшее украшение последнего. Это те даровитые мальчики, которые на лету ловят слова учителя, которые буквально могут повторить рассказанный им урок, которые иногда подскажут заикнувшемуся преподавателю не легко вспомнившуюся хронологическую дату или историческое имя, которые выручают учителя и весь класс при неожиданных ревизиях бойкими, осмысленными и красиво изложенными ответами. Такие ученики — гордость товарищей и учителя. При наличии их осуществляются его педагогические идеалы, развиваются его дидактические таланты и оправдываются новые преподавательские методы. Вдохновляемый такими восприимчивыми слушателями, учитель отбывает урок не как каторжный труд — он творит. О пристрастии к таким ученикам говорить нельзя: для них всегда мало и *пяти*. Но есть любимцы не из столь способных и богато одарённых учеников, подкупающие более своей скромностью, своим прилежанием, своей услужливостью, наконец, своим происхождением от лица высокопоставленного или же полезного гимназии. Такому счастливому мальчику учитель ставит тоже *пять*, но за ответы, по признанию товарищей, заслуживающие самое большое — *четырёхки*.

Другое отношение проявляет пристрастный учитель к той категории учеников, которых он не жалует — будь то даровитые мальчики или малоспособные. Их и спраши-

Этo ли цифровая балльная система? вает он чаще («подавливает») и дольше, к ним и с вопросами обращается с мудрёными, и из старoго спрашивает не только то, что учили в начале года, но даже что проходили в предыдущем году, и балл поставит с уменьшением на единицу: вместо *пяти* — *четыре*, вместо *четвёрки* — *три с плюсом*... Иной удачный ответ и совсем оставит без балла...

Наличность подобных злоупотреблений именно при постановке частных баллов и вооружила против них и лучших педагогов, и общество, и печать: не нужно поурочных отметок, пусть только остаются месячные или четвертные, а также годовые. Это то именно, что введено в практику коммерческих училищ, торговых и некоторых других школ. По-видимому, этим устраняются две беды: злоупотребления при постановке частных отметок и ненормальности при выводе из них общих баллов, так как тут и выводить не из чего. Но это только по-видимому: ведь частные баллы всё равно выставляются, — если не в классных журналах, то в записных книжках учителей, в виде ли цифр или условных значков. Следовательно, и при таком порядке вещей остаётся место для злоупотреблений.

Мало того, что злоупотребление с баллами убивает чувство справедливости в обижаемых детях и приводит иногда к семейным драмам, — не выигрывают и те, в пользу (!) которых прибавляются отметки из-за знакомства ли с их родителями, из-за видного ли общественного положения послед-

и целесообразным произвести в русском правописании упрощения и предложило вам (т.е. учебным округам России. — В.Ч., А.З.) принять меры к осуществлению намеченной названной совещанием реформы безотлагательно, с начала будущего учебного года».

Постановления совещания по вопросу об упрощении русского правописания, приняты 11 мая 1917 г. *).

1. Исключить букву **ѣ** с последовательной заменю ея через **е** (колено, вера, семя, в избе, кроме).
2. Исключить букву **ѡ** с заменю ея через **о** (фома, Афанасій, Фимиам, кафедра).
3. Исключить букву **ѣ** въ концѣ словъ и частей сложныхъ словъ (хлеб, посол, меч, пять куч, контр-адмирал), но сохранить еѣ въ среднѣй словѣ въ значеніи отдѣлительнаго знака (сѣмка, разъяснять, адъютант).
4. Исключить букву **і** съ заменю ея через **и** (ученіе, Россія, пивка, Иоанн, высокій).
5. Признать желательнымъ, но не обязательнымъ употребленіе буквы **ѣ** (нѣс, вѣл, всѣ).
6. Писать приставки **изъ, возъ, въ, разъ, розъ, низъ, безъ, чрезъ, черезъ** передъ гласными и звонкими согласными съ **з**, но заменять букву **з** буквой **с** передъ глухими согласными, въ томъ числѣ и передъ **о** (извините, воззваніе, разумно, взыскать).

*) Письмo инымъ заглавiемъ постановленiя являюса особа брошюра въ Петербургѣ. Списокъ членовъ комиссiи, составившей означенныя пункты и представляющей собой извлеченiе изъ болѣе обширнаго матеріала, напечатаннаго въ Постановленiяхъ ортографической комиссiи 1917 г.

— 7 —

- низвергать, безвольный, чрезвычайно, — исправить, воспитать, всхожие семена, расстаться, роспись, ниспосланный, бесполезно, чересполосица, чересседельник).
7. Писать въ род. пад. прилагательныхъ, причастій и местоименій — **ого, его** вместо **аго, яго** (добраго, пятого, котораго, синего, свежаго).
8. Писать въ имен. и вин. пад. множ. ч. женск. и ср. рода прилагательныхъ, причастій и местоименій — **ые, ие** вместо **ыя, ія** (добрыя, старыя, синія, какія).
9. Писать **они** вместо **онѣ** въ имен. пад. множ. ч. женск. рода.
10. Писать въ женскомъ родѣ **одни, однихъ, однимъ, одними**, вместо **однѣ, однѣхъ, однѣмъ, однѣми**.
11. Писать въ род. пад. ед. ч. местоименія личнаго женск. р. **ее** (или **еѣ**) вместо **ея**.
12. При переносѣ словъ ограничиваться слѣдующими правилами: согласная (одна или послѣдняя въ группѣ согласныхъ) непосредственно передъ гласной не должна быть отдѣляема отъ этой гласной. Равнымъ образомъ группа согласныхъ въ началѣ словъ не отдѣляется отъ гласной. Буква **л** передъ согласной не должна быть отдѣлена отъ предшествующей гласной. Также конечная согласная, конечное **л** и группа согласныхъ на концѣ словъ не могутъ быть отдѣлены отъ предшествующей гласной. При переносѣ словъ, имѣющихъ приставки, имѣюща переносить въ слѣдующую строку согласную въ концѣ приставки, если эта согласная находится передъ согласной, напр., надлежитъ дѣлать

Приводим «Постановления», которые, кажется, в той редакции (май 1917 года) в советские и постсоветские времена ни разу не были опубликованы.

1. Исключить букву **ѣ** с последовательной заменю ея через **е** (КОЛЕНО, ВЕРА, СЕМЯ, В ИЗБЕ, КРОМЕ).
2. Исключить букву **ѡ**, с заменю ея через **о** (ФОМА, АФАНАСИЙ, ФИМИАМ, КАФЕДРА).
3. Исключить букву **ѣ** в конце слов и частей сложных слов (ХЛЕБ, ПОСОЛ, МЕЧ; ПЯТЬ КУЧ, КОНТР-АДМИРАЛ), но сохранить еѣ в середине слов в значении отделительного знака (СЪЁМКА, РАЗЪЯСНЯТЬ, АДЪЮТАНТ).
4. Исключить букву **і** с заменю ея через **и** (УЧЕНИЕ, РОССИЯ, ПИВКА, ИОАНН, ВЫСОКИЙ).
5. Признать желательным, но необязательным употребление буквы **ѣ** (НЭС, ВЁЛ, ВСЁ).
6. Писать приставки **изъ, возъ, въ, разъ, розъ, низъ, безъ, чрезъ, черезъ** перед гласными и звонкими согласными с **з**, но заменять букву **з** буквой **с** перед глухими согласными, в том числе и перед **с** (извините, воззваніе, разумно, взыскать, низвергать, безвольный, чрезвычайно, — исправить, воспитать, всхожие семена, расстаться, роспись, ниспосланный, бесполезно, чересполосица, чересседельник).
7. Писать в род. пад. прилагательных, причастий и местоимений — **ого, — его** вместо — **аго, — яго** (добраго, пятого, которо, синего, свежаго).
8. Писать в имен. и вин. пад. множ. ч. женск. и средн. рода прилагательных, причастий и местоимений — **ые, — ие** вместо — **ыя, — ія** (добры, стары, сини, какі).
9. Писать **они** вместо **онѣ** в имен. пад. множ. ч. женск. рода.
10. Писать в женском роде **одни, одних, одним, одними** вместо **однѣ, однѣх, однѣм, однѣми**.
11. Писать в род. пад. ед. ч. местоимения личного женск. р. **ее** (или **еѣ**) вместо **ея**.
12. При переносе слов ограничиваться слeдующими правилами: согласная (одна или последняя в группе согласных) непосредственно перед гласной не должна быть отделяема от этой гласной. Равным образом группа согласных в начале слов

НЕ ОТДЕЛЯЕТСЯ ОТ ГЛАСНОЙ. БУКВА *й* ПЕРЕД ГЛАСНОЙ НЕ ДОЛЖНА БЫТЬ ОТДЕЛЯЕМА ОТ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ ГЛАСНОЙ. ТАКЖЕ КОНЕЧНАЯ СОГЛАСНАЯ, КОНЕЧНОЕ *й* И ГРУППА СОГЛАСНЫХ В КОНЦЕ СЛОВ НЕ МОГУТ БЫТЬ ОТДЕЛЕНЫ ОТ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ ГЛАСНОЙ. ПРИ ПЕРЕНОСЕ СЛОВ, ИМЕЮЩИХ ПРИСТАВКИ, НЕЛЬЗЯ ПЕРЕНОСИТЬ В СЛЕДУЮЩУЮ СТРОКУ СОГЛАСНУЮ В КОНЦЕ ПРИСТАВКИ, ЕСЛИ ЭТА СОГЛАСНАЯ НАХОДИТСЯ ПЕРЕД СОГЛАСНОЙ, НАПР., НАДЛЕЖИТ ДЕЛИТЬ *ПОД-ХОДИТЬ*, А НЕ *ПО-ДХОДИТЬ*, *РАЗ-ВЯЗАТЬ*, А НЕ *РА-ЗВЯЗАТЬ*. 13. ДОПУСТИТЬ СЛИТНОЕ И РАЗДЕЛЬНОЕ НАПИСАНИЕ В НАРЕЧИЯХ, СОСТАВЛЕННЫХ ИЗ СЛОЖЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ С ПРЕДЛОГАМИ (*ВСТОРОНЕ* И *В СТОРОНЕ*, *ВТЕЧЕНИЕ* И *В ТЕЧЕНИЕ*, *СВЕРХУ* И *С ВЕРХУ*, *ВДВОЕ* И *В ДВОЕ*)».

Вот и всё. Каких-то две странички текста — результат 13 лет работы. Однако не было бы и этого, если бы не... (цитируем знаменитого лингвиста Д.Н. Ушакова): «Видную роль в новом возбуждении общественного внимания к вопросу о реформе и в самом её осуществлении, несомненно, сыграл всероссийский съезд преподавателей русского языка и словесности 1916–1917 гг. (т.е. в зимние каникулы, в разгар войны и предреволюционного кризиса. — В.Ч., А.З.), на который ссылается и министерский циркуляр. Этот съезд признал «скорейшую реформу правописания в том направлении, какое она получила в трудах орфографической комиссии при Академии наук, настоятельно необходимой в интересах русской школы и всей русской культуры», и постановил возбудить соответствующие ходатайства перед академией, министерством и комиссией по народному образованию в Государственной думе».

Сейчас слишком поздно рассуждать, насколько представительным был съезд педагогов военного времени и обсуждалось ли на нём детально содержание орфографической реформы. Только провал этой реформы, которую публика нарекла «Мануйловской», был оглушительным. Отношение к ней можно охарактеризовать одним словом — саботаж. Даже «Журнал Министерства Народного Просвещения» проигнорировал циркуляр родного министерства и не перешёл на новую орфографию, которую якобы так давно все ждали. Во всяком случае, последний, декабрьский 1917 года номер журнала, в котором уже работали большевики и появились имена В.И. Ленина и А.В. Луначарского, придерживался старой орфографии. Новая не побеждала очень долго, а кое-где не признана и по сей день. Например, в США, в городке Джорданвилле, светская печатная продукция Русской православной церкви выходит с ятем, фитой, *i* и с ижицей.

Новая орфография лишила нас многого и критиковать её очень легко. Например, основной задачей буквы *ять* было сохранение на письме различия слов с разным смыслом, но почти с одинаковой фонетикой: *ѣсть* (кушать) — *есть* (быть), *ѣли* (кушали) — *ели* (деревья), *вѣсти* (новости) — *вести* (проводить) и т.д. Мир (отсутствие войны), *мир* (вселенная), *мвро* (церковное масло), поэтому сейчас библейские жёны-мироносицы — носительницы масла — многими понимаются превратно. А введение приставки *бес* вместо *без* с негодной мотивировкой привело к появлению у критиков таких словосочетаний, как: *бес*, то *есть* *чёрт* (*бес-партийный*), *бес-человечный*, *бес-ценный*, *бес-культурный* и т.п. И встречаются издания, где это не проходит и печатают по-старому: *безкультурный*, *безценный*, *безчеловечный*, *безстрашный* и т.п. Согласимся, что читается не хуже, чем с «бесом»...

Почувствовав неладное после выхода в свет циркуляра № 5456 с новыми правилами от 17 мая, Мануйлов, видимо, решил подправить ситуацию и 22 июня выпустил циркуляр № 6717 (т.е. за месяц министерство издало 1261 циркуляр!).

Зло ли цифровая балльная система?

них, или по другим побуждениям. Это пристрастие развращает их, и едва ли они потом будут вспоминать о своих подкупных учителях с чувствами восхищения, благодарности и любви...

Но, когда враги этой системы видят органическое зло её в этих злоупотреблениях, я смотрю на последние только как на приводящий элемент, вызванный разными аномалиями в постановке школьной жизни. Если есть люди, злоупотребляющие ныне продажей сахара, то значит ли, что сахар зло? Если иные педагоги спекулируют баллами, то в балльной ли системе самой по себе беда? Справедливо на съезде педагогов в Петербурге в 1900 г. один делегат выразился: «Дайте какую угодно систему школьных аттестаций для сведения родителей, но если она будет в руках бессердечного педагога-формалиста, то всё равно останется бесполезной или станет орудием всяческих злоупотреблений и предлогом для столкновения школы и семьи».

Но что же выдвигают взамен цифровой балльной системы? Какую систему оценки знаний считают более совершенной?

На съездах в Москве и Петербурге остались при балльной системе, признав, в частности, пятибалльную систему наиболее удовлетворительной в теоретическом и практическом отношениях, и только высказались против частных отметок. Идущие далее этой практики педагоги рекомендуют взамен и общих баллов (месячных или четвертных) сло-

Зло ли цифровая балльная система?

весные отзывы, характеристики учеников более или менее индивидуальные и определяющие разные виды отношений учащихся к наукам. Наиболее подробную и разработанную систему предлагает Н.В. Чехов. По ней за каждую четверть и особо за год должны быть даны отзывы (если есть для того данные) по 14 вопросам, разбитым на графы: Усвоение пройденного. Учебные навыки. Отношение ученика к предмету. Отношение к занятиям. Особые примечания (вне счёта вопросов). И вот образцы ответов на некоторые вопросы.

«5. Умение излагать свои знания устно. 1-я четверть: отвечает уроки совсем свободно. 2-я: то же. 3-я: отвечать стал несколько лучше. 4-я: отвечает толково. Отзыв за год: значительное улучшение.

13. Отношение к домашним письменным работам. 1-я четверть: не всегда аккуратно исполняет. 2-я: недостаточно внимателен к ним. 3-я: стал относиться лучше. 4-я: относится добросовестно. Отзыв за год: заметны улучшения к лучшему».

Чем дальше шло время, тем короче и однообразнее становились отметки (словесные): очевидно, некогда было писать индивидуальные характеристики каждого ученика.

Один педагог нашёл, что иная словесная аттестация повредит мальчику больше, чем 2 или 1: «идиот», напр., испортит всю жизнь его... Конечно, это опасение утрировано, потому что с такой жестокой прямолинейностью не выражались даже учителя «доброе старое времени», отличавшегося своей су-

В этом документе учебным округам с милым либерализмом тех времён предложено принять меры к осуществлению реформы русского правописания безотлагательно с «принятием к руководству нижеследующих оснований:

1. РЕФОРМА ПРАВОПИСАНИЯ ПРОВОДИТСЯ *ПОСТЕПЕННО* (здесь и ниже курсив документа), НАЧИНАЯ С МЛАДШЕГО ОТДЕЛЕНИЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ; В ЭТОМ ОТДЕЛЕНИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ЧТЕНИЮ УЖЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ПРИМЕНЕНИЕ НОВОГО ПРАВОПИСАНИЯ, ПРИЧЁМ УЧАЩИЕ ДОЛЖНЫ ОЗНАКОМИТЬ ДЕТЕЙ И С ИСКЛЮЧЁННЫМИ БУКВАМИ (ѣ, і, ѿ, ѵ), но лишь после прочного усвоения ими нового правописания, когда и где они найдут это удобным. В СТАРШЕМ ОТДЕЛЕНИИ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ, В ВЫСШЕМ НАЧАЛЬНОМ УЧИЛИЩЕ И В СРЕДНЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ СЛЕДУЕТ ЛИШЬ РЕКОМЕНДОВАТЬ УЧАЩИМСЯ ПЕРЕХОДИТЬ К НОВОМУ ПРАВОПИСАНИЮ.

2. НАМЕЧЕННАЯ РЕФОРМА ДОЛЖНА БЫТЬ ОСУЩЕСТВЛЕНА *ЦЕЛИКОМ*, ВО ВСЁМ ЕЁ ОБЪЁМЕ И ОТНЮДЬ НЕ МОЖЕТ ОСУЩЕСТВЛЯТЬСЯ ПО ЧАСТЯМ <...>.

3. ПРИ ПРОВЕДЕНИИ РЕФОРМЫ НЕОБХОДИМО ИЗБЕГАТЬ *НАСИЛИЯ* НАД ЖЕЛАНИЯМИ САМИХ УЧАЩИХСЯ, ПОЧЕМУ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ДОПУЩЕНО ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ПЕРЕУЧИВАНИЕ ТЕХ, КТО УЖЕ УСВОИЛ ПРАВИЛА ПРЕЖНЕГО ПРАВОПИСАНИЯ. <...> В КАЖДОМ КЛАССЕ МОГУТ БЫТЬ ДВЕ ГРУППЫ (пишущих по старому и пишущих по новому правописанию), третьей группы не должно быть <...>.

4. В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ДЕРЖАЩИХ *ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ* ЭКЗАМЕН... А) ДЛЯ НИХ ОСТАЮТСЯ В СИЛЕ ЛИШЬ ТЕ ТРЕБОВАНИЯ ПРАВОПИСАНИЯ, КОТОРЫЕ ЯВЛЯЮТСЯ ОБЩИМИ И ДЛЯ ПРЕЖНЕГО, И ДЛЯ НОВОГО ПРАВОПИСАНИЯ, И ОШИБКАМИ ЯВЛЯЮТСЯ ЛИШЬ НАРУШЕНИЯ ЭТИХ ПРАВИЛ <...>.

5. ПРИ ПРОВЕДЕНИИ НОВОГО ПРАВОПИСАНИЯ В ЖИЗНЬ ШКОЛ В НАСТОЯЩЕМ ГОДУ ПРИДЁТСЯ СЧИТАТЬСЯ С НЕИЗБЕЖНЫМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВОМ, ЧТО БУКВАРЕЙ... НЕ БУДЕТ В РАСПОРЯЖЕНИИ ШКОЛЫ...

6. В ЦЕЛЯХ ВЫЯСНЕНИЯ СМЫСЛА РЕФОРМЫ И ПРИВЛЕЧЕНИЯ ДОВЕРИЯ ОБЩЕСТВА, РОДИТЕЛЕЙ И УЧАЩИХСЯ К ПРОВОДИМОМУ МИНИСТЕРСТВОМ МЕРОПРИЯТИЮ... НЕОБХОДИМО ВСЕМЕРНО ВЫЯСНЯТЬ, ЧТО НАСТОЯЩЕЕ УПРОЩЕНИЕ РУССКОГО ПРАВОПИСАНИЯ ОТНЮДЬ НЕ СТРЕМИТСЯ ВВЕСТИ ПРОИЗВОЛЬНОЕ ФОНЕТИЧЕСКОЕ ПИСЬМО, А, НАПРОТИВ, НОВАЯ ОРФОГРАФИЯ ЯВЛЯЕТСЯ СИСТЕМОЙ *НАУЧНО ОБОСНОВАННОЙ*, КОТОРАЯ, СОХРАНЯЯ ВСЕ ПРЕЖНИЕ ОСНОВЫ НАШЕГО ПРАВОПИСАНИЯ, СТРЕМИТСЯ ЛИШЬ К УСТАНОВЛЕНИЮ СООТВЕТСТВИЯ МЕЖДУ НАПИСАНИЕМ, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, И ЗВУКОВЫМ СОСТАВОМ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКИМ СТРОЕМ ЖИВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА — С ДРУГОЙ <...>.

7. <...> В УВЕРЕННОСТИ, ЧТО ПРЕПОДАВАТЕЛИ ОТНЕСУТСЯ С ДОЛЖНЫМ ВНИМАНИЕМ К НАСТОЯЩЕЙ РЕФОРМЕ... Я ПРОШУ ВАС СДЕЛАТЬ ЗАВИСЯЩИЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ О ПРИНЯТИИ УКАЗАННЫХ ОСНОВАНИЙ К РУКОВОДСТВУ ПРИ ВВЕДЕНИИ РЕФОРМЫ РУССКОГО ПРАВОПИСАНИЯ В ЖИЗНЬ ШКОЛЫ С ПРЕДСТОЯЩЕГО УЧЕБНОГО ГОДА.

Министр народного просвещения
(подписал) **А. Мануилов**
(именно без й! — В.Ч., А.З.)

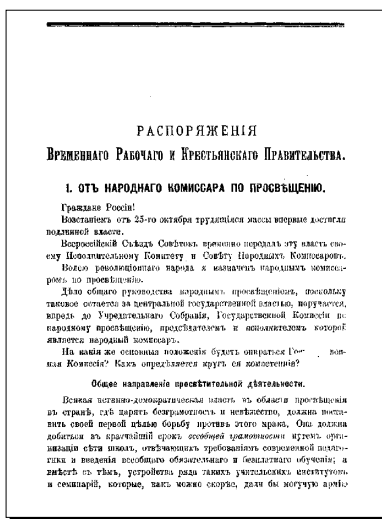
А спустя 20 дней Александр Аполлонович вместе с другими министрами-кадетами подал в отставку. Он считал невозможной и бесперспективной деятельность правительства в условиях постоянной конфронтации с Советами рабочих, крестьянских и солдатских депутатов (известное двоевластие, которое в октябре 1917 года привело к лёгкой победе большевиков и левых эсэров).

Владимир Дмитриевич Набоков, сын министра юстиции и отец известного писателя, автора «Лолиты», «Дара» и других замечательных творений Владимира Набокова, свидетельствовал как очевидец и соратник об Александре Аполлоновиче в своих воспоминаниях «Временное правительство»:

«Мануйлов как-то скорее других проникся безнадежностью в отношении деятельности Временного правительства вообще и чаще других говорил о необходимости ухода Временного правительства ввиду невозможных условий работы, создаваемых контролем и постоянной помехой со стороны Совета рабочих депутатов... По существу, он не был боевой натурой, борцом. Он и раньше главным методом борьбы избирал отставку. Среди других министров Мануйлов имел исключительно «дурную прессу» (курсив — В.Ч., А.З.). На него нападали и справа, и слева: справа — за бездеятельность и апатию перед растущей революционной волной... Слева его обвиняли в бюрократизме, в сохранении канцелярской рутины, в призыве деятелей старого режима... Он не умел отбиваться и огрызаться и приходил в уныние и отчаяние. В сущности говоря, он, может быть, был вполне прав, признавая положение безнадежным. Но и в этом случае ему следовало действовать иначе: решительнее, а бы сказал — демонстративнее».

Отметим, что это написано по горячим следам первым управляющим делами Временного правительства, погибшим в 1922 году в Берлине при покушении на главу партии кадетов бывшего министра иностранных дел П.Н. Милюкова, когда Владимир Дмитриевич попытался обезоружить террориста.

Октябрьскую революцию Мануйлов не принял и от греха подальше уехал без семьи на юг России, где был профессором Екатеринославского университета, а также преподавал в Тифлисе и в Ростове-на-Дону. Его «эмиграция» была недолгой. Взвесив все «за» и «против», он в 1918 году пишет письмо В.И. Ленину, в котором заявляет о желании сотрудничать с Советской властью. Получив разрешение, возвращается в Москву на преподавательскую работу в Московском университете. Как знатока вопроса и человека, именем которого названа была реформа, его привлекают к работе Комиссии по реформе правописания. Поскольку прежняя реформа про буксовывала, члены комиссии сообразили, что постепенно и через органы народного просвещения провести в жизнь её не удастся. А посему созрел смелый план её реализации в явочном порядке через средства массовой информации, коими тогда

«Народное просвещение» за 1917 год

зло ли цифровая балльная система? ровостью. Но испортить репутацию не понравившегося ученика несправедливый учитель может и при рекомендуемой ныне системе. Каково, напр., будет звучать такая, дышащая и правдоподобностью, и сочувствием к ученику, аттестация: «NN, спокойный и, видимо, усердный и внимательный, отличается поразительной невосприимчивостью; самых простых вещей не понимает и не может удержать в памяти ни хронологической нити рассказа, ни причинной связи событий; грамматические термины и правила — для него китайская грамота; письменное изложение мыслей ниже всякой критики, а при устном — лапти плетёт. Но при усиленной работе, быть может, что-нибудь и выйдет из него».

При некоторой изощрённости в этом деле так можно округлить характеристику, что она, соблюдая внешнюю корректность и обнаруживая даже гуманность преподавателя, будет стоить «волчьего паспорта», превратив аттестуемого в тупицу по умственным способностям, в невежду по познаниям, в чудиле порока в нравственном отношении. Значит, и здесь есть возможность для проявления несправедливости. Важнее, следовательно, переменить не систему, а людей.

В заседании Казанского педагогического общества, при обсуждении доклада о замене баллов словесной оценкой, один из его оппонентов высказался, что важнее поднять культурность педагогов. Это очень неопределённое и мягко сформулированное требование можно было бы так распро-

Зло ли цифровая балльная система?

странить. Важно, чтобы учителя были более подготовлены к педагогическому делу, — лучше бы знали те предметы, какие поставлены преподавать, знакомы были бы с методологией их и не чужды были бы педагогической психологии и умения проникать в глубь детской души.

Для уничтожения злоупотреблений баллами могло бы ещё служить усиление контроля общества над школами в виде родительских комитетов, правильно и повсеместно функционирующих и в больших городах объединённых в союзы, и в форме обсуждения всяких педагогических аномалий на столбцах печати и в педагогических обществах. К числу мер общего характера, улучшающих вообще положение школьного дела и в то же время парализующих отрицательные стороны балльной системы, следует отнести и уменьшение числа учащихся в каждом классе. Без того немислима никакая правильная оценка познаний учащихся — балльная ли или словесная. Более того, немисливо и самое ведение педагогического дела, так как при 45–50 учениках в классе и при 1–2 уроках в неделю невозможно изучить нравственную физиономию каждого ученика и найти путь к его уму и сердцу.

Подводя итоги, должно сказать, что словесная аттестация учащихся, особенно столь подробная и обстоятельная, хороша уже тем, что пробуждает большее внимание преподавательского персонала к воспитанникам, к их психофизической организации, к условиям

были только газеты, журналы, брошюры, книги и другая печатная продукция. А если совсем коротко, то сделать это решили насильственно, реквизируя в типографиях отменённые реформой литеры.

Одним из первых в конце февраля 1918 года на новую орфографию был переведён правопреемник «Журнала Министерства Народного Просвещения» журнал Государственной комиссии по народному просвещению «Народное просвещение». Как написано на его титуле, это был «Социалистический орган, общественно-политический, педагогический и научный», а председателем редакционной коллегии значился П.И. Лебедев-Полянский.

Но примеру журнала последовали очень немногие. Довольно скоро стало ясно, что процессу этому следует придать какой-то новый, свежий импульс. И вот в «Известиях В.Ц.И.К.» № 223/487 выходит «Декрет о введении новой орфографии» от 10 октября 1918 года, подписанный А.В. Луначарским.

Заострим внимание: не ведомственный министерский циркуляр, а именно декрет — директивный правительственный акт, постановление верховной власти. Его безапелляционный тон смягчается юмористическим смещением в нём старой и новой орфографии:

«В целях облегчения широким массам усвоения русской грамоты и освобождения школы от непроизводительного труда при изучении правописания Совет Народных Комиссаров постановил:

Все правительственные издания, периодические (газеты и журналы) и непериодические (научные труды, сборники и т. п.), все документы и бумаги должны печататься согласно при сём прилагаемому новому правописанию с 15-го октября 1918 года. <...>»

За этим кратким вступлением следует *Приложение* в 39 строчек: «Новые правила правописания, разработанные Народным комиссариатом просвещения». Их содержание слово в слово, хотя и с небольшим усечением, повторяет текст мануйловского циркуляра от 17 мая 1917 года.

Можно не сомневаться, что готовил этот Декрет не член комиссии Александр Мануйлов, а кто-то «пореволюционнее» его, и не исключено, что сам нарком просвещения. В дальнейшем, забыв и о работавшей с 1904 года орфографической комиссии Академии наук под руководством великого князя Константина, и о Мануйлове, сие деяние стали называть Ленинским Декретом о русском правописании.

Итак, вот вам, деятели печати и типографий (почти все они были частниками), пять дней на перестройку и введение «революционной» орфографии. Но никто и бровью не повёл. И снова месяц за месяцем — саботаж.

Но с новой властью и её декретами шутки были плохи.

Заканчивался 1918 год. Террор (красный и белый) набирал силу. Разгоралась Гражданская война, и вопросы орфографии были поручены революционным матросам, которые, начав со столиц, довольно быстро повыгребали из наборных касс всех типографий страны отменённые литеры и ссыпали их в переплавку.

Декрет от 10 октября 1918 года заработал, а про Мануйлова стали потихоньку забывать. Он же — профессиональный экономист — в роли консультанта Наркомфина участвовал в проведении денежной реформы 1922 года, а с 1924 года и до конца своих дней (в 1929 г.) состоял членом правления Госбанка СССР.

Журнал Министерства Народного Просвещения
1912 г., № 12.

К психологии заучивания

Произведённые до настоящего времени экспериментальные исследования процесса заучивания не отличаются ни достаточной полнотой, ни убедительной показательностью. Исследования эти относятся к отдельным только моментам заучивания и большей частью произведены на мёртвом материале.

Условия, благоприятствующие успешности заучивания и затрудняющие заучивание

Эксперимент д-ра Кремера даёт нам важный материал для суждения о том, что помогает и что мешает заучиванию.

Основываясь на данных эксперимента д-ра Кремера, можно, по-видимому, безошибочно определить, что именно заучивается нами легко и что заучивается трудно. Заучивается легко то, что представляет собой цельное логическое построение или что даёт цельную реальную картину. Говоря короче — легко заучивается гармония; трудно заучивается то, что противоречит гармонии. Чем больше заучиваемое место соответствует требованию гармонической целостности, тем легче оно воспринимается памятью. Чем меньше оно удовлетворяет высказанному требованию, тем труднее усвоится. К этому общему началу могут быть сведены все установленные экспериментом частные положения об относительной трудности или ловкости усвоения разучиваемых текстов, характеризующих теми или другими особенностями.

Потребность связности заучиваемого материала настолько сильна у заучивающего лица, что когда связь отсутствует или когда заучивающее лицо её не замечает, оно само изобретает возможную связь, иногда крайне искусственную и не имеющую никакого отношения к содержанию заучиваемого. Если заучивается рассуждение, истинный смысл которого не постигнуть заучивающим лицом, заучивающее лицо, когда оно желает учить со смыслом, вставляет свои мысли, при помощи которых объединяет содержание. Но всего нагляднее указанное свойство познающего ума проявляется в том случае, когда заучиваются слова независимо от мысли, когда происходит процесс, выражаемый на школьном жаргоне «долбить». Процесс этот не совсем чужд нашей школе, но по преимуществу господствует в нехристианской вероисповедной школе. Как известно, в этого рода школах дети учат наизусть священные книги на языках, которых они не понимают. Никогда это изучение не происходит втихомолку, а всегда сопровождается произношением заучиваемого текста вслух. В этом случае на помощь работе памяти призывается мелодия речи. Ученик усваивает текст, как известный звукоряд, как своего рода гармоничное целое. Нередко разучивание сопровождается плавными ритмическими движениями, напр., покачиванием тела вперёд и назад, отбиванием такта и т.п. Здесь роль мнемонического пособия исполняют моторные представления.

Та или другая конструкция речи заучиваемого текста оказывает самое существенное влияние на успешность заучивания. Почти все экспериментированные Кремером лица трудно усваивали речь, состоящую из кратких отрывочных предложений. Обыкновенно они сбивались в их преемственности. Но, с другой стороны,

Эло ли цифровая балльная система?

их быта и учебных занятий. Рассматриваемая теоретически, она должна поднять учебные успехи и установить новые отношения между педагогическим персоналом и массой детей, доселе бывшими на положении двух враждебных лагерей. Но при сохранении нынешних условий школьной жизни система словесных обозначений грозит обратиться в шаблон и форму и потеряет скоро своё педагогическое и дидактическое значение, как это случилось уже в начале XIX ст. Словесные отметки сделаются такими же условными и неопределёнными, какими иногда теперь бывают цифровые, в зависимости от личности учителя, его настроения, его отношений к учащимся и его требований. Всё дело в том, кому вручён суд над детьми и их успехами. Справедливый судья не обидит мальчика, и двойку ему поставивши, а несправедливый вызовет подозрение и ненависть целого класса самой манерой спрашивания — придиричливой, надоедливой, язвительной.

Итак, как ни хороша система словесных аттестаций, нужно и её поставить в такие условия, которые гарантировали бы её от искажения и дали проявиться её преимуществам. Но и балльная система при соблюдении тех же условий явилась бы просто меркой учебных успехов, столь же мало обращающей на себя внимания, как весы в магазине, и потеряла бы печальную репутацию одного из зол школьной жизни.

К. Харламович

такую же трудность представляли для них и предложения чересчур длинные. Если предложения были таковы, что их нельзя было без особенного напряжения обнять умом сразу, то требовались многократные повторения для того, чтобы усвоить их. Всего лучше усваивались предложения среднего размера, с простой, сразу охватываемой конструкцией.

Хорошо усваиваются предложения, в которых ясно выступают главные члены и которые не слишком обременены второстепенными членами, т.е. собственно говоря, предложения, гармонически построенные. Обилие второстепенных членов ослабляет яркость главных членов. Трудность заучивания таких предложений возрастает, если допускается правильное размышление слов, когда между основным словом и его дополнением или определением вставлены другие слова. Так вызвало затруднения заучивание подобного рода фраз: «маленькие, устроенные в стене, подковообразные углубления», «начальник, предводительствовавший отрядом, по имени Герстенберг». Но синонимические, взаимно себя дополняющие выражения, напротив, легко воспринимаются. Так, хорошо запоминалась фраза «убаюкивающая и умиротворяющая природа», «относительные признаки и приметы»...

Эксперимент д-ра Кремера устанавливает неизменную зависимость успешности заучивания от эстетической стороны заучиваемого текста. Работа памяти совершается тем успешнее, чем глубже затрагивается эстетическое чувство заучивающего. Нетрудно понять психологический смысл этого явления. Что такое человеческое слово в том его виде, в каком оно всего успешнее воспринимается памятью? Что такое человеческое слово, когда оно служит совершенным выражением идеи, живым воплощением образов, когда при этом оно правильно построено и освобождено от всяких недостатков техники? Это есть сама гармония, сама музыка. Не подлежит сомнению, что и прозаическая речь, подобно стихотворной, имеет свои законы симметрии, хотя до сих пор ещё не объяснённые и не установленные.

Ритмическая речь запоминается успешнее. Этим свойством человеческой памяти объясняется то, что памятники народного творчества сохраняются с древнейших времён обыкновенно в форме ритмической речи. Таким же ритмом характеризуются и наши пословицы и поговорки, которые и сохраняются в народе именно благодаря этой особенности.

Педагогические выводы

Эксперимент Кремера дал наглядные доказательства того, что механическое заучивание гораздо труднее осмысленного. Заучивание буквы, не освещаемое сознанием, требовало у испытуемых вдвое, а иногда чуть не втрое больше повторений, чем заучивание осмысленное. Отсюда понятно, что в интересах экономического использования детских сил и, следовательно, образования школа должна до возможной степени ограничивать практику механического заучивания. Но так как без этого вида заучивания вполне обойтись невозможно, потому что в составе учебных курсов имеются статьи, которые должны быть усвоены независимо от понимания, то школа должна, по крайней мере при назначении домашних работ учащимся, иметь в виду, что работы, состоящие в механическом заучивании, требуют значительно больше времени, чем уроки, усваиваемые сознательной деятельностью познавательных сил, а потому они не могут быть измеряемы одинаковым числом строк или страниц.

Дальнейшим педагогическим приобретением на счёт опытов Кремера является экспериментальное подтверждение того до сих пор недоказанного положения, что заучивание совершается успешнее, когда оно происходит цельными законченными статьями, а не по частям. Опытами Кремера выяснено, что всё, разрывающее естественную связь изложения, служит препятствием к усвоению содержания изучаемого текста. Отсюда возникает для школы двойная обязанность: во-первых, назначать для домашних работ учащихся заучивание не обрывков, а статей, представляющих целостность и законченность, и, во-вторых, объяснять детям выгоды цельного заучивания уроков. Объяснения этого рода совершенно необходимы, потому что учащиеся по неопытности склонны изучать именно так, как

не следует, — «по точкам», как говорят, т.е. по отдельным предложениям. К этому способу их влечёт возможность сейчас же видеть некоторые результаты заучивания. Однако ж такой способ близко подходит к механическому заучиванию.

Но какие же дидактические правила относительно ведения классного преподавания могут быть введены из данных, представляемых опытами д-ра Кремера?

Ученик учится только тогда, когда он знает, чему он учится. Но такого сознания не может быть у ученика, когда сам учитель не имеет ясной идеи урока. Поэтому нельзя не признать весьма практичным обычай некоторых учителей в самом начале урока объяснять ученикам, в чём будет состоять урок, и даже написать конспект урока на классной доске. Этот обычай, кроме непосредственной пользы, имеет массу побочных выгод. Он приучает учеников, принимаясь за дело, уяснять себе предстоящую задачу, а вместе с тем служит практическим уроком логики. Да и для самого учителя описанный обычай служит прекрасным контрольным приёмом.

Но само собой разумеется, что определить задачу данного урока учитель может лишь в том случае, если он имеет продуманный план курса и если он путём предварительных соображений уяснил себе отношение предстоящего урока к общему ходу преподавания. А это возможно, если учитель готовится к урокам, если, входя в класс, он рассчитывает не на вдохновение, которое часто обманывает, но на твёрдую уверенность в совершенной целесообразности предположенного содержания занятия.

Принцип гармоничности познавательного процесса требует, чтобы материал, предлагаемый учащимся на каждом отдельном уроке, не только сам по себе отличался цельностью и стройностью, но чтоб он гармонично вошёл в ряды представлений, которыми обогатило их предыдущее преподавание. Уметь связать вновь сообщаемые знания с накопленными прежде есть существеннейшая задача учителя. Если он не обладает этим искусством, цель преподавания не достижима потому, что в таком случае результатом его является не система, а хаос. Знания учащихся должны нарастать не механически, а органически. Мы должны установить требование, чтобы учитель был художником речи. Не подлежит сомнению, что художественный элемент преподавания заключает в себе наилучшие гарантии успешности преподавания; и с другой стороны преподавание, чуждое художественной привлекательности, имеет очень мало шансов на успешные результаты.

Высказанные соображения выдвигают вопрос об эстетическом воспитании учителей как одном из важных способов воздействия к подъёму учебного дела.

Что такое эстетическое развитие? Это есть способность понимать прекрасное в природе и в искусстве и наслаждаться им. Способность эта состоит в самой теснейшей связи с разнообразнейшими отношениями и проявлениями жизни моральной и потому — с воспитательным делом вообще. То или другое нравственное настроение, выдержанность или разнузданность, строгость или распушенность, приличие или бестактность, порядочность или невоздержанность, точность или небрежность, все подобные качества и свойства в сильнейшей степени зависят от степени эстетического развития человека. Эстетическое образование влечёт человека в мир идей, ставит ему возвышенные цели, даёт ему наслаждения, которых проза жизни дать не может. Оно дополняет и совершенствует человека. Чуждый эстетического развития человек не полон, лишён благороднейших достоинств. Воспитать человека эстетически — значит сделать его полным человеком.

Преподавание отечественного языка могло бы давать богатую пищу эстетическим потребностям, если бы эстетические цели преследовались при обучении с той же серьёзностью, как цели умственно-образовательные.

На выразительность и художественность чтения не обращается должного внимания. Между тем будущие учителя и учительницы безусловно должны быть обучены не только осмысленному чтению, но и художественному и даже драматическому, чему могли бы содействовать систематически поставленные опыты чтения драматических произведений несколькими лицами. В Германии городские общества (напр. Берлинское) вносят в сметы особые суммы на покупку учащимся в народных училищах билетов в театр для слушания классических произведений.

Рисование составляет единственный учебный предмет, преследующий прямо цели эстетического образования. Но мы встречаемся здесь с той ненормальностью, что в женских учебных заведениях оно считается предметом необязательным и таким, за обучение которому взимается особая плата. Этим предмет низводится на степень второстепенного и суживается область его влияния.

Пение, как учебный предмет, поставлено в курс учебных заведений ещё ниже, чем рисование. На вознаграждение учителя пения назначаются обыкновенно ничтожные суммы, почему преподавание часто поручается лицу, недостаточно сведущему и авторитетному. Многие из учащихся освобождаются от пения, по старой, отживающей поговорке о «неспособности». Между тем для всякого лица, имеющего в виду педагогическую карьеру, пение составляет безусловную необходимость. Кто не разрабатывал свой голос и не умеет им управлять, тот не может и внятно и вразумительно говорить. А ведь учитель должен *не только говорить внятно и вразумительно, он должен говорить гармонично, художественно*, должен ласкать, очаровывать звуками своего голоса.

Само собой разумеется, что обстановка учебного заведения и весь его быт не должны заключать в себе ничего такого, что подавляющим образом могло бы действовать на развитие эстетического чувства учащихся, в роде, например, грязного содержания помещения, неопрятности и неприличия в одежде лиц, принадлежащих к заведению, вульгарности их обращения, цинизма речи и т.п.

Вл. Фармаковский

